

Шестьдесят лет на оперной сцене—случай, конечно, уникальный. Но и в свои восемьдесят лет артиста отличает активная творческая деятельность

Его квартира увешана фотографиями многих известных советских деятелей искусств, среди которых Д. Шостакович, С. Образцов, Д. Кабалевский, А. Папанов, Т. Хренников, И. Козловский, Л. Утесов, Р. Плятт, С. Лемешев, Карандаш, С. Мартинсон, К. Лавров, А. Зуева, Е. Лебедев, М. Прудкин, М. Неелова и многие другие, и каждую украшает дарственная надпись с выражением любви и восхищения талантом хозяина дома.

Наверное, лучше всего сказал о нем известный советский оперный режиссер Борис Покровский: «В. Канделаки — поющий актер. Впрочем, он может и не петь, но тогда он просто хороший актер, хороший, и все. Поющий Канделаки — это неповторимая художественная личность».

Солист Московского музыкального театра имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР Владимир Канделаки отмечает свое восьмидесятилетие и шестидесятилетие творческой деятельности.

— **Перелистаем, Владимир Аркадьевич, десятилетия в обратную сторону.**

— Родился я 29 марта 1908 года в Тбилиси.

Когда мне было тринадцать лет, наша семья переехала в Батуми. Именно в этом городе началась моя верная и крепкая дружба с Одиссеем Димитриадисом. Тогда мы поставили детскую оперу «Красная шапочка» и выступали с ней в разных районах Батуми.

Постоянной театральной труппы в Батуми не было, но гастролеры были частыми гостями города. Разве можно забыть приезд театра имени Руставели! Судьбе было угодно, чтобы в Батуми я услышал прекрасного оперного певца Евгения Вронского. Он сыграл большую роль в моей жизни — вместе с Одиссеем мы решили поступать в Тбилисскую консерваторию. Для меня важным было и то, что Е. А. Вронский начал преподавать там, и Давид Андгуладзе, с которым я познакомился, увлеченно рассказывал, как интересно у него учиться.

И вот переступил порог консерватории. Столько лет прошло с тех пор, но я с тем же волнением вспоминаю актовый зал, где проходили прослушивания. Меня спросили:

«Сколько вам лет?» Не моргнув глазом, я ответил — девятнадцать. Не мог же я сказать, что мне семнадцать, ведь вокалистов в консерваторию принимали с девятнадцати. Ответ мой вызвал улыбку, но зато я стал учиться в консерватории у Е. Вронского.

На втором курсе я поступил в группу миманса оперного театра. Мне многое дали 1925—1928 годы. О том времени можно рассказывать бесконечно. Я был свидетелем дебюта за дирижерским пультом А. Мелик — Пашаева: тогда заболели сразу два дирижера в день спектакля «Демон» — яркого дебюта в партии Радамеса в «Аиде» Давида Андгуладзе. Здесь я впервые услышал В. Барсова, И. Козловского, Д. Головина. В Тбилиси я увидел спектакли Московского музыкального театра, после чего — снова изменения в моей судьбе.

— **Затем вы уезжаете в Москву!**

— Да, чтобы поступить, уже закончив консерваторию, в Центральный техникум театрального искусства повышенного типа (ЦЕТЕТИС). Родители очень волновались, но в конце концов «благословили», и отец дал, на самый крайний случай, ряд «рекомендательных» писем, которые, кстати, пригодились. Ох, и натерпелся я тогда, «обитая на вокзалах», напереживался я, если бы не Луначарский... Дело в том, что прием в техникум был закончен, но меня прослушали и вручили листок с таким текстом: «Отличный голос. Несомненные сценические способности. Но принят быть не может, так как норма приема выполнена». Представляете! Мне удалось попасть к наркому просвещения А. В. Луначарскому. Из его кабинета я вышел с резолюцией: «Прощу принять сверх нормы под мою ответственность. Жму руку. Луначарский». Так я попал на первый курс актеров Музыкального театра, который вел режиссер Леонид Баратов. Он же потом привел меня на прослушивание к В. И. Немировичу-Данченко, и его слова: «Знаете, по моему, он нам подходит», определили мою дальнейшую судьбу — в 1929 году я стал актером Музыкального театра имени В. И. Немировича-Данченко.

— **И последовала целая вереница ролей. А первой была...**

— Небольшая роль офицера в оперетте «Дочь Анго» Ш. Лекока. Затем. Миша в опере «Северный ветер»

Л. Книппера. Все вряд ли стоит перечислять, упомяну только спектакли «Сорочинская ярмарка» М. Мусоргского, «Чио-Чио-сан» и «Тоска» Дж. Пуччини, «Травиата» Дж. Верди, «Цыганский барон» И. Штрауса, «Моцарт и Сальери» Н. Римского-Корсакова...

— **В том числе и «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича.**

— Постановка В. И. Немировичем-Данченко в 1934 году «Катерины Измайловой» стала событием музыкальной жизни. У меня была роль Бориса Тимофеевича Измайлова, старика на восьмом десятке лет, а мне ведь было только двадцать шесть. Владимир Иванович очень любил «Катерину Измайлову», и я был горд, что режиссер доверил мне, молодому актеру, роль в этом спектакле.

— **Любители легкой музыки старшего поколения помнят и «Джаз-гол» под руководством Владимира Канделаки.**

— Да, был такой «грех», а получилось все случайно. К первомойскому «капустнику», а впервые мы выступили 3 мая 1933 года, я решил организовать голосовой джаз, нас собралось восемь человек, и потом последовало десять лет концертов нашего «Джаз-гола». Мы имитировали многие инструменты, зрители даже не верили, что такого «оркестрового» звучания мы добиваемся только голосом, думали, как бы сейчас сказали, что выступаем под фонограмму. Мы даже выступали в Большом театре на юбилеях А. В. Неждановой и Л. В. Собиннова. Кстати, если кто захочет нас послушать сейчас, то в выпущенной «Антологии советского джаза» есть и записи «Джаз-гола».

— **В театре готовилась и постановка оперы «Даиси» Палиашвили.**

— После того, как по указанию В. И. Немировича-Данченко были прослушаны оперы композиторов союзных республик, мы остановили выбор на «Даиси». Постановку осуществлял Юрий Завадский, меня назначили его ассистентом, я должен был и петь в опере. Постановка получалась впечатляющей, но...

— **Началась война.**

— Мы тогда были на гастролях в Мурманске. Играли в Доме офицеров «Чио-Чио-сан», зал был полон, но тут вышел на сцену офицер и сказал, что спектакль продолжаться не может и все моряки должны явиться по месту

несения службы. Так в нашу жизнь вошла Великая Отечественная.

С большим трудом вернулись в Москву. Здесь напомним, что летом 1941 года театры — оперный имени К. С. Станиславского и музыкальный имени В. И. Немировича-Данченко — были объединены в один. Один за другим эвакуировались театры из Москвы. В Тбилиси уехал МХАТ, туда же выехал и В. И. Немирович-Данченко. Мы собирались в Ашхабад. Но все верили, что Москву врагу не отдадут, а раз так, то наше место в столице. Группа актеров во главе с директором и главным режиссером Иосифом Тумановым пошла в Кремль, где были приняты заместителем Председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгиным, и попросили оставить театр в Москве. Нас перевели на положение фронтового театра, и уже 19 декабря 1941 года мы показали первый спектакль — «Корневильские колокола». Как к нам шел зритель! По три спектакля в день играли. А еще ежедневные концерты в госпиталях, на промышленных предприятиях, в действующей армии.

— **Я вижу у вас сатирический рисунок известного балетмейстера Владимира Бурмейстера, на котором вы танцуете с самой Улановой. Это что — фантазия художника!**

— Почему же — я выступал партнером великой балерины в «Бахчисарайском фонтане», танцевал Гирея. Произошло все так. Во время кино съемок в Алма-Ате я встретил на улице Г. Уланову с Ю. Завадским, ей нужен был партнер, и она пригласила меня. Ю. Завадский поддержал ее, а я, думая, что это шутка, согласился. Ох, и намучился я тогда на репетициях! Но, представьте себе, дебют оперного певца в балете прошел не так уж и плохо. Вот история этого рисунка В. Бурмейстера.

— **Вы упомянули работу в кино.**

— Снимался я немного. Первые в 1936 году в фильме «Поколение победителей» В. Строевой, затем эпизод в «Цирке» Г. Александрова. В 1942 году меня пригласили на роль Ваню Гулиашвили в фильме А. Столпера и Б. Иванова «Парень из нашего города». Затем, почти через сорок пять лет, я снова встретился с Гулиашвили, но уже в фильме Е. Михайловой «Верую в любовь». Снимался также в филь-

мах «Ласточка», «26 бакинских комиссаров». Вспоминаю и «свои» телефильмы — «По страницам оперетт Оффенбаха», «Музыкальное путешествие» и «Вас приглашает Владимир Канделаки».

— **Вы работали в Московском театре оперетты.**

— Оперетта была рядом со мной всю жизнь, ведь и дебютировал я на сцене в «Сильве», было это 60 лет тому назад в Тбилиси, в партии Ронса, который поет одну фразу «Я буду ждать тебя внизу». Потом ко мне, шутя, так и обращались мои товарищи. Мог ли я предполагать тогда, что в январе 1954 года стану главным режиссером Московского театра оперетты, продолжая выступать и в театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Я постарался привлечь к работе в оперетте наших крупнейших композиторов Д. Шостаковича, Д. Кабалевского, Т. Хренникова, считал необходимым, чтобы на афише нашего театра были и оперетты композиторов союзных республик.

А первой моей постановкой была «Белая акация» И. Дунаевского, затем поставил «Веселую вдову» Ф. Легара, «Бал в Савойе» П. Абрахама, «Фонари-фонарики» и «Цирк зажигает огни» Ю. Милютину, «Москва, Черемушки» Д. Шостаковича, «Сто чертей и одна девушка» Т. Хренникова и другие.

— **А еще в каких театрах вы выступали в роли постановщика!**

— В своем ставил «Шумит Средиземное море» О. Фельцмана, «Аршин мал алан» У. Гаджибекова, «Тоску» Дж. Пуччини, «Нищего студента» К. Миллекера, «Цыганского барона» И. Штрауса. В Алма-Атинском театре оперы и балета имени Абая поставил «Тоску», в Большом театре Узбекской ССР имени Алишера Навои — «Проделки Майсары» С. Юдакова, этот же спектакль поставил и в цыганском театре «Ромэн», Карлинском театре оперетты в Праге — «Москва, Черемушки», работал и в театрах других городов.

— **А в Тбилиси! Обращались ли вы, кроме «Даиси», к произведениям грузинских авторов!**

— В Тбилисском театре оперы и балета я поставил «Перикола». Дирижировал Д. Мирцхулава, балетмейстером был В. Чабукиани, пели Н. Харадзе, Б. Кравейшвили и другие

прекрасные певцы, и спектакль имел успех.

В своем театре я поставил «Кето и Котэ» В. Долидзе, балетмейстером был И. Сухишвили, я играл роль Сако. Ставил «Кето и Котэ» и в театре оперы и балета «Эстония». В Московском театре оперетты мною была поставлена «Великолепная тройка» Г. Цабадзе, художником спектакля был Л. Шенгелая, балетмейстером Д. Багратиони. Но больше всех ставил «Проделки Ханумы» — в музыкальном театре Карельской АССР, театрах музыкальной комедии Харькова, Краснодара и Саранска.

Грузия, грузинская музыка всегда были со мной, я дружил со многими грузинскими артистами. Тесная дружба связывала меня с обладателем неповторимого голоса Давидом Гамрекели. Дружил с Тамарой Церетели. Кстати, на ее юбилее мы приветствовали ее в гостях — Д. Гамрекели, С. Гоциридзе, Я. Мchedлидзе, Д. Бадридзе и др. Стараюсь и сегодня внимательно следить за работами грузинских мастеров сцены, которые постоянно дают нам немало поводов к восхищению.

... И сегодня В. Канделаки выходит на сцену театра в спектаклях «В бурю», «Доротея», «Золотой теленок», «Цыганский барон», «Любовь к трем апельсинам». Немало времени отнимает и работа в ГИТИСе имени А. В. Луначарского, где он ведет два курса — очный и заочный, на факультете артистов и режиссеров эстрады.

— **Владимир Аркадьевич, от имени читателей газеты «Заря Востока» я поздравляю вас с восьмидесятилетием и 60-летием творческой работы. Мы все желаем вам крепкого здоровья, счастья, творческих успехов.**

— Большое спасибо. Пользуюсь случаем и передаю моим дорогим землякам пожелания счастья в их доме, успехов в работе, побольше радостных встреч с настоящим искусством.

И закончить интервью с В. Канделаки я хочу снова словами Б. Покровского: «Рядом со Станиславским и Немировичем-Данченко работали многие, но имен, перед которыми мы почтительно снимаем шляпы, не так-то много: Ке-марская, Мельтцер, Гольдина, Панчехин... Среди них один из первых — Канделаки».

Беседу вел
Георгий ГАПРИНДАШВИЛИ.